

Как бы ни кипел от негодования Гейл, неумолимый враг уже дышал ему в затылок. Самой же пакостной подножкой судьбы оказалась местность: бескрайняя, как на ладони, степь, где не нашлось бы и клочка укрытия.

Едва первый показавшийся на горизонте мех засёк его, как тут же на полной скорости рванулся в атаку. Гейл мгновенно понял: времени на раздумья нет.

Любой соперник, заведев его нынешнее состояние, непременно решил бы, что ему улыбнулась неслыханная удача и можно сорвать лёгкий куш.

И неудивительно: его Джи выглядел... скажем прямо, весьма плачевно. Любой мало-мальски зрячий определил бы, что уровень повреждений машины зашкаливает. К тому же Гейл успел знатно прогrometerь на турнире, так что желающие поживиться за чужой счёт, пусть даже столь неблагородным способом, не стали бы колебаться ни секунды.

Какой шанс прославиться! Это же сам Гейл!

Сейчас серебристо-белая броня Джи на плечах и груди, некогда щеголявшая яркими переливами узоров, была изувечена глубокими бороздами царапин и чёрными подпалинами. Машина выглядела потрёпанной и жалкой. И хотя конечности уцелели, металл во многих местах помялся, покрывшись безобразными вмятинами.

Словом... и без того неказистый мех теперь казался сущим недоразумением.

Заметивший Джи соперник летел на него словно ошалелый.

Гейл сохранял абсолютное хладнокровие. В запасе оставалось от силы пять-десять секунд, прежде чем до него доберётся второй противник.

Действовать нужно было молниеносно!

Поэтому он без тени страха бросился наперерез первому врагу. Странно: перед ним был мех средней дальности, но его пилот почему-то упорно сокращал дистанцию... Неужели так обезумел от предвкушения победы?

Впрочем, раздумывать Гейл не стал. Он начал с «Битвы драконов в диких землях». Враг опешил, не успев даже среагировать, как тут же последовал «Дракон прыгает в бездну», намертво пригвоздивший соперника к месту.

Приёмы этой боевой школы славились ураганным темпом. Комбинации ударов не прерывались общей задержкой на восстановление, и, сливаясь в единую цепочку, обрушивались на цель в мгновение ока.

Пока новенький, только что вступивший в свой первый бой мех стоял парализованным, Гейл уже вовсю крутил комбинацию. Следом за «Наводняющим драконом мутит реку» должен был последовать сокрушительный финал — «Высокомерный дракон раскаивается». Использование этого приёма сразу после прыжка гарантировало наложение периодического урона, а предварительная «Битва драконов в диких землях» срезала защиту врага на двадцать процентов. Добавьте к этому десятипроцентный бонус от «Наводняющего дракона мутит реку» — и мощь завершающего удара становилась поистине колоссальной.

Гейл прекрасно понимал: допускать, чтобы его зажали в тиски два новеньких, неповреждённых меха, ни в коем случае нельзя.

Когда в воздухе закружился яростный вихрь от удара «Высокомерный дракон раскаивается», незадачливый пилот, только-только вошедший в отборочный раунд в надежде пожить за чужой счёт, так и застыл, не успев сделать ровным счётом ничего. Система мгновенно вышвырнула его обратно в зал ожидания. Его мех осыпался золотистым прахом как раз в тот момент, когда к Гейлу подоспел второй противник.

Тот явно летел с теми же намерениями, но, завидев тающую в воздухе бледно-золотую дымку, резко затормозил.

Когда летишь за лёгкой добычей, но внезапно осознаёшь, что перед тобой крепкий орешек, невольно призадумался.

Громкая слава Гейла в последнее время гремела по всей Звёздной сети. С самого старта турнира он не потерпел ни единого поражения. И титул некоронованного Короля ближнего боя подходил ему как никому другому.

Что примечательно, управляя мехом ближнего боя, он принципиально пренебрегал любыми артиллерийскими орудиями, но при этом умудрялся разделяться с противниками за считанные секунды.

Этот новоприбывший соперник, как назло, пересмотрел абсолютно все записи боёв Гейла.

И вот теперь, глядя на израненного, потрёпанного Джи, пилот принял решение, которое повергло зрителей в глубокое недоумение. Публика на трибунах и в чатах зашумела, но уже спустя пару минут, увидев участь двух других подоспевших мехов, все были вынуждены признать: этот парень поступил чертовски мудро.

Это было единственно верное решение. Целёхонький и весьма маневренный мех модели И-Ви-99 развернулся на месте и на полной скорости дунул обратно.

Гейл на секунду опешил. Он прикинул, стоит ли бросаться в погоню, но тут его засекли два других противника. Гнаться за беглецом означало бы подставить себя под удар и оказаться зажатым с трёх сторон — овчинка выделки не стоила. Гейл мгновенно передумал и бросился

наперерез более уязвимому из вновь прибывших — дальнобойному меху.

Даже с его мастерством соваться в пекло один против четверых в отборочном туре было чистым безумием. Это вам не предварительные игры, где соперники метались без всякой тактики. Здесь враги действовали порознь: у них были и дальнобойные орудия, и средний радиус поражения, и штурмовики. Дай им объединиться — и его потрёпанный Джи разнесут в клочья.

Единственный выход — уничтожать их поодиночке.

И пока что этот план работал безупречно.

Осталось всего двое.

Зрители, следившие за успехами Гейла, какими бы предвзятыми они ни были, не могли не признать: если забыть о нелепом внешнем виде, Джи обладал невероятным магнетизмом. И дело было не только в его сокрушительной силе. Каждое действие пилота отличалось безупречной точностью и решимостью. Такая бескомпромиссность в сочетании с агрессивным, но честным и благородным стилем боя неизбежно приковывала к нему взгляды миллионов.

Гейл по природе своей не умел сомневаться — нерешительность просто отсутствовала в его характере.

Во второй день отборочных матчей на арену хлынул новый поток участников. Большинство из них руководствовались чистым расчётом: в первый день на поле боя творилось настоящее безумие, а на вторые сутки страсти улеглись, при этом отставание по очкам было ещё легко наверстать.

Многие опытные аналитики сходились во мнении, что это самая разумная тактика. Начать турнир на второй день — решение прагматичное и взвешенное.

Поэтому во второй день серверы буквально ломались от игроков. Но истинные мастера не разменивались на подобные хитрости — они предпочитали наслаждаться битвой с самой первой секунды.

Так что нынешних соперников Гейла едва ли можно было назвать асами; им было далеко даже до Вивиан.

В итоге, пожертвовав всего одним процентом прочности своего меха, Гейл без труда расправился с обоими противниками.

Общий износ достиг двадцати двух процентов.

Нахмурившись, Гейл тяжело вздохнул. Ему хотелось чистых дуэлей один на один, но впредь всегда нужно быть готовым к подобным засадам.

Выпустив в небо «Белого кречета» для разведки, Гейл вновь отправился на поиски отбившихся от групп одиночек.

Записи его вчерашних побед уже всюду гуляли по Звёздной сети. Глупцы, надеявшиеся поживиться за счёт его потрепанного вида, поплатились за свою самоуверенность, так что желающих нападать с наскока поубавилось. Более того, многие побитые в первый день соперники, едва завидев Джи, тут же разворачивались и сверкали пятками. Это изрядно раздражало Гейла.

Зарабатывать очки становилось всё труднее...

В отличие от Гейла, которому приходилось изрядно попотеть, Вивиан пошла по более простому пути — она просто сменила точку засады. Вчерашнее её убежище уже рассекретили на форумах Звёздной сети, так что сегодня она без колебаний перебралась на новую позицию.

Но её излюбленная тактика осталась прежней. Обладая незаурядным тактическим чутьём, Вивиан без труда наметила в этом виртуальном городке ещё как минимум четыре идеальных места для капкана.

На этот раз Гейлу не удалось удержать лидерство в таблице рекордов — Вивиан обогнала его ровно на три очка.

Вивиан занимала пятьсот девяносто девятую строчку с двадцатью семью очками.

Гейл шёл тысяча тридцать восьмым, набрав двадцать четыре балла.

Для многотысячной толпы участников такие результаты были более чем достойными. Однако это наглядно показывало, насколько высока конкуренция на турнире. Перед Вивиан шёл пятьсот девяносто один человек, и ничтожная разница всего в три очка отбрасывала Гейла более чем на четыреста позиций назад.

Многие из фаворитов выступали на турнире уже второй или третий раз. Они обладали не только филигранной техникой, но и колоссальным опытом, точно зная, где и как быстрее всего фармить очки. На их фоне Гейл и Вивиан выглядели дерзкими новичками, но их дебют уже заставил заговорить о них всё сообщество.

Впрочем, несмотря на поразительную силу Гейла и хитрость Вивиан, никто из серьёзных аналитиков пока не спешил делать ставки на их победу.

Статистика была неумолима: за всю историю соревнований шанс новичка пробиться в тройку

лидеров составлял менее одного процента.

К концу второго дня отборочного раунда Гейл устал гораздо меньше прежнего. Похоже, он окончательно приспособился воевать на повреждённой машине: действовать аккуратнее, не давать врагу передышки, навязывать свой темп боя. Стоило поймать этот ритм, как всё пошло как по маслу.

В конце концов, у него оставалось ещё две жизни.

Эта мысль прибавила ему уверенности, и его игра стала ещё более виртуозной. К этому моменту прямую трансляцию его боёв смотрело уже свыше десяти миллионов зрителей.

Подобными охватами могли похвастаться только топовые профессиональные киберспортсмены.

На следующий день, зайдя по обычному расписанию в Звёздную сеть, чтобы открыть лавку, ребята заметили, что господин Джос уже довольно долго не давал о себе знать.

Даже Вивиан высказала беспокойство:

— С ним ничего не случилось?

Валентин равнодушно пожал плечами:

— Обычное мимолётное знакомство. Может, ему просто надоела стряпня Гейла?

Гейл промолчал.

Какая нелепость! Уж кто-кто, а господин Джос обожал эту еду так, что это было понятно без лишних слов.

Заперев лавку и выйдя из сети, они наскоро позавтракали и поспешили на утреннее построение. После того как в Освильде ввели полноценный военный режим, дисциплина ужесточилась до предела. Даже во время коротких перемен курсантам запрещалось праздно шататься по коридорам. Повсюду сновали патрульные роботы — сотни механических глаз следили за каждым шагом. Покинуть территорию школы теперь можно было только после прохождения бюрократического ада, а о прогулах и думать не стоило. К тому же в расписание добавили обязательные двухчасовые занятия по строевой и тактической подготовке.

Высшая школа Освильд де-факто превратилась в суровое военное училище. Впрочем, Гейл адаптировался без особых проблем.

Прежний Освильд казался Гейлу обычным гражданским вузом, коих много было и в его прошлой жизни. Ну да, славился строгим уставом, но не более. В конце концов, в любом

университете за систематические прогулы можно схлопотать незачёт. Местные профессора разве что урезали учебные баллы, так что разница была невелика.

Теперь же учёба стала напоминать суровые школьные будни: бесконечные лекции, горы домашних заданий и изнурительная практика. С другой стороны, до адских нагрузок выпускного класса старшей школы им всё равно было далеко. К тому же у них оставался доступ к Звёздной сети, так что жизнь не превращалась в серую рутину.

Неделя отборочных игр пролетела незаметно. Перестав излишне нервничать, Гейл поймал кураж и каким-то чудом завершил этот этап с общим износом меха всего в двадцать девять процентов. В итоговой таблице он занял сто седьмое место, набрав сто девятнадцать очков. А когда система конвертировала две неиспользованные попытки в дополнительные баллы, его позиция подскочила сразу на тридцать один пункт вверх, прочно закрепив Гейла в заветной сотне лучших.

Успехи Вивиан оказались чуть скромнее. Под конец группового этапа ей не повезло натолкнуться на парочку крайне вязких и хитрых противников, из-за чего она лишилась одной жизни. Набрав сто пять баллов, девушка заняла двести второе место, но с учётом компенсации за уцелевшую попытку поднялась до сто пятьдесят шестой строчки. Результат великолепный, особенно для дебютанта.

Многочисленные фанаты из фан-клуба «Ветреницы» устроили настоящее празднество в сети. Единственное, о чём они сокрушались — почему в турнире не участвует таинственный Улиссис?

После группового этапа соревнований начиналась изнурительная стадия плей-офф. От одного взгляда на бесконечную сетку матчей у Гейла рябило в глазах. К счастью, благодаря высокой позиции в рейтинге, ему самому предстояло провести всего пять дуэлей на выбывание. Пять тысяч пилотов должны были отсеяться в безжалостной мясорубке, чтобы в финальном круговом турнире сошлись лишь сто сильнейших. Накал страстей зашкаливал, и именно на этом этапе частенько срезались признанные фавориты.

Плей-офф растянулся на долгие три месяца, но поскольку Гейл сражался всего пять дней из этого срока, у него внезапно образовалась куча свободного времени.

— Гейл, нам пора вплотную заняться изготовлением деталей для настоящего меха, — сказал Валентин. — Ты у нас отличный механик. Скоро начнутся каникулы, я арендовал просторный склад на планете Лудери. Боюсь, в ближайшие недели нам придётся изрядно попотеть.

Гейл с улыбкой отозвался:

— Да я и сам сплю и вижу, когда смогу сесть за штурвал настоящего Джи.

Вивиан, собиравшая в этот момент свои вещи, добавила:

— Я тоже в деле. Можете рассчитывать на мои руки.

Валентин отказываться не стал. Помощь им действительно не помешала бы, да и отношения с Вивиан давно вышли за рамки банальной вежливости — они стали по-настоящему близкими соратниками.

После милитаризации Освильда каникулы сократили почти вдвое: вместо положенных двух месяцев курсантам выделили от силы четыре недели. Проводить подобные секретные работы в стенах академии было слишком рискованно, поэтому парням пришлось уплотнить график до предела.

Склад на Лудери оказался невзрачным и пыльным, но именно сюда они свозили все редкие металлы и комплектующие, что умудрились раздобыть за последние месяцы. На время каникул склад превратился для троицы в дом: они здесь спали, ели и работали круглыми сутками, отвлекаясь лишь изредка, чтобы проверить дела в Звёздной сети.

Валентин по-прежнему сутками компилировал программный код и передавал готовые чертежи отливов Вивиан. В её учебную программу входил этот базовый курс — будущих офицеров тактического звена учили разбираться в самых разных технических дисциплинах, так что читать схемы деталей она умела превосходно.

Ну а Гейлу досталась самая тяжёлая, изнурительная физическая работа.

Пусть он и обладал уникальным талантом кузнечного ремесла, сборка боевого меха требовала титанических усилий. Даже без учёта внешней брони внутренняя начинка состояла из сотен тысяч мельчайших деталей. Точность сборки такого колоссального и сложнейшего механизма, превосходившего всё, что Гейл видел в прошлой жизни, должна была быть идеальной — малейшая погрешность грозила катастрофой.

Но Гейл трудился без тени усталости или недовольства. Единожды ощутив мощь Джи на виртуальных полях сражений, он грезил о том дне, когда сможет прикоснуться к металлическому исполину наяву. Это желание служило ему лучшим стимулом.

Он хотел как можно скорее завершить проект. Быть может, тогда и Валентину больше не придётся так истязать себя работой...

Впрочем, сам Улиссис, кажется, ни капли не тяготился навалившимися трудностями.

— Вивиан! — раздался громкий возглас у входа.

Гейл оторвался от работы и увидел расхаживающего перед воротами Ходжсона.

Хоть склад снаружи и выглядел хлипким, Валентин защитил ворота сложнейшим охранным

скриптом собственной разработки, взломать который постороннему было не под силу. Изнутри, благодаря полупрозрачному тонированному стеклу, ребята отлично видели улицу, тогда как снаружи склад казался наглухо запёртым.

Вивиан ничуть не удивилась визиту гостя.

За прошедший семестр Буниль окончательно затерялся на фоне более талантливых курсантов. Пусть он и приходился сыном влиятельному генерал-майору Пайну, с началом активных военных действий происхождение отошло на второй план. Юноша не хватал звёзд с неба в учёбе, и вскоре окружающие перестали лебезить перед ним.

Эпоха наследственной аристократии давно канула в лету. Обладая Буниль выдающимися способностями, связи отца проложили бы ему дорогу на самый верх, но увы — природа обделила парня талантами.

Интерес корыстных подлиз к его персоне быстро сошёл на нет.

Вивиан же, напротив, благодаря своей стойкости, упорству и блестящим результатам, мало-помалу обзавелась надёжными товарищами. И пусть это было обычное приятельство, авторитет её среди сверстников заметно окреп.

— Гейл, закончи пока с этой деталью, я ненадолго отлучусь, — предупредила она.

Гейл лишь кивнул.

Валентин на мгновение поднял взгляд от экрана и тут же вернулся к прерванным расчётам.

Вивиан вышла на улицу к Ходжсону. Тот попытался было заглянуть внутрь сквозь тёмные стёкла, но быстро сдался и сразу перешёл к делу:

— Слушай, вы что, лично знакомы с директором?

Вивиан опешила:

— С кем?

— С директором Освильда! — нетерпеливо пояснил Ходжсон.

Девушка нахмурилась и решительно покачала головой:

— Разумеется, нет.

Где они — три провинциала, прибывшие с окраинной заштатной планеты, — и где руководитель одного из престижнейших учебных заведений сектора?

— Вот и я думаю, странно... — протянул Ходжсон. Благодаря связям своей семьи он всегда первым узнавал все кулуарные новости. — Директор лично утвердил список участников программы обмена с Королевской академией Инцюн. В него попали вы трое, я и ещё восемь курсантов. Нам предстоит целых два года учиться в Королевской академии Инцюн!

Глаза Вивиан изумлённо округлились.

— Это элитная академия, лучшая в своём роде, — в голосе Ходжсона так и сквозило возбуждение. — Нам выпал уникальный шанс поехать туда под личным руководством самого директора. Королевская академия Инцюн — самое закрытое и престижное заведение в обитаемом космосе! Стандарты образования, звёздный преподавательский состав и техническая база там просто недосягаемы для остальных!

— Проблема в том, что мы в глаза не видели господина директора, — резонно возразила Вивиан, стараясь сохранять хладнокровие.

Среди всех фамилий, что перечислил Ходжсон, за исключением их троицы, числились сплошь дети высокопоставленных военных чинов и влиятельных политиков.

В эту эпоху межзвёздных войн святым правилом оставалось одно: боевые действия не должны ломать жизни будущим поколениям, а сфера образования почиталась за неприкосновенную святыню. Даже сейчас, когда между Галактикой Млечный Путь и Галактикой Цанлань полыхал кровопролитный конфликт, официальная делегация курсантов могла беспрепятственно посетить вражеские территории. И маршал Синси, как бы он ни презирал уроженцев Млечного Пути, был вынужден стиснуть зубы и гарантировать им полную безопасность.

И всё же Вивиан никак не могла взять в толк: почему в этом списке избранных оказались имена Гейла, Валентина и её самой?

Это противоречило всякой логике!

Они даже не подозревали о существовании подобной программы обмена, но если бы и знали, то ни за что не стали бы претендовать на эти места. Очевидно, что подобные стажировки предназначались для отпрысков элиты, чтобы обеспечить им трамплин для будущей карьеры. Простым смертным вход туда был заказан.

Однако их имена красовались на официальном бланке.

Вернувшись на склад, Вивиан продолжала бесцельно прокручивать в голове этот вопрос.

Она пересказала разговор парням. Гейл от неожиданности замер и вопросительно взглянул на Валентина.

Первой его мыслью было: «Неужели Валентин опять что-то провернул втайне от всех?»

Валентин тоже слегка нахмурился:

— Напомни, как зовут директора Высшей школы Освильд?

Удивительно, но до этого момента они ни разу не интересовались руководством академии.

— Все зовут его просто директором Крофтом, — ответила Вивиан, торопливо выуживая из ящика студенческий справочник. Пробежав глазами первые страницы, она вдруг застыла в оцепенении.

— Джос Крофт, — негромко произнёс Гейл. Он-то в своё время внимательно прочитал уставные документы, но тогда это имя ни о чём ему не говорило. Теперь же, выудив его из чертогов памяти, он мгновенно сопоставил факты.

Например, почему голографический портрет директора на торжественных собраниях казался ему смутно знакомым.

Просто они никогда не придавали этому значения.

В Звёздной сети господин Джос всегда выглядел на редкость приветливым, мягким человеком с лукавым прищуром добрых глаз, из-за чего казался значительно моложе своих лет.

На официальных же записях директор Крофт предстал перед курсантами в строгом, застёгнутом на все пуговицы мундире, с идеально уложенными волосами. На его лице никогда не играла улыбка, а суровый взгляд из-под очков в чёрной роговой оправе выдавал в нём бескомпромиссного, закоренелого консерватора.

Им и в голову не могло прийти связать эти два образа.

Их постоянный и самый преданный клиент, добродушный господин Джос с вечной улыбкой, оказался тем самым суровым директором Крофтом, чьё лицо бороздили глубокие, скорбные морщины.

«Один и тот же человек... Да такое нарочно не придумаешь!»